

ХРОНИКИ ПУТЕШЕСТВИЯ В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ

АЛЕНСАНДР ЮДЕЛЬСОН
Родился в 1971 году в Немерове, там же получил высшее историческое образование. После аспирантуры РГГУ осел в Москве, нане-то время работал заместителем денана, а затем с головой

ушел в сферу коммуникаций. объехал на машине пол-Евразии, от Полярного Урала до Пелопоннеса. Понаменялись кабинеты и должности, в столе накопились стихи, некоторые из которых опубликованы, и рассказы. Большая часть творчества

посвящена любимому делу — интеллектуальным путешествиям в стиле магического реализма. От этого захватывающего занятия иногда бывает трудно оторваться, но начальство, трое детей и жена с этим успешно справляются.

В большую темную квартиру на 1-й Тверской-Ямской гости собирались тихо, воровато оглядываясь. К спиритическим путешествиям у новых властей вопросов пока не было, но настроения чекистских начальников так переменчивы.

После холодного и смердящего мочой парадного в натопленную квартиру входили почти как в рай: шумно здоровались, энергично скидывали вещи, почти готовы были целовать хозяйку, но сдерживались, конечно. По Москве гуляло столько бактерий и вирусов, занесенных воинскими эшелонами и мешочниками, что в чувствах надо было проявлять осторожность. Больницы были переполнены больными тифом, испанкой и корью, лекарств не хватало. Дров, кстати, тоже, но в квартире дипломированного медиума было тепло.

- А в Америке, говорят, люди ходят по улицам в марлевых масках и в трамваях в них ездят. Испанки боятся, — объяснила пожилая путешественница, усаживаясь за стол и погружая разутые ноги во влажный теплый песок, насыпанный под столом в специальную емкость.
- И у нас бы ездили, да марли не достать, — вздохнула ее подруга. — А вообще, культурная страна! Я бы хотела как-нибудь там оказаться. Только не в Нью-Йорке. Там негров много, а я их боюсь.
- А чем это вам негры не угодили? — вступил плешивый господин с кавалерийскими усиками. — Те же люди. Не страшнее чекистов.

– Вы что такое говорите, нашли с кем сравнивать, — испуганно зашелестела полная дама в светлой блузке. — Чекисты хотя бы бандитов ловят, а негры кого? Вшей на аркане?

– Чекисты ваши тоже только вшей ловить способны, да еще, может, честных людей, у кого еще совесть осталась.

За столом зашикали и непроизвольно увеличили с плешивым дистанцию. Гармония круглого стола оказалась нарушена.

- Товарищ, заткнитесь уже, кто вас пригласил сюда, честное слово. Если вам нужны неприятности, идите на Лубянку, что здесь-то забыли? Мы приходим к Клавдии Ильиничне отвлекаться от безрадостных будней, опасностей, посмотреть на счастливых людей по ту сторону колючей проволоки, а вы опять тыкаете нас мордой в дерьмо. Ведите себя прилично или проваливайтесь, — авторитетно заявил мужчина в пенсне.
- Хорошо, хорошо, извините. Не будем о неграх, — пробурчал плешивый. — Я ведь не ходил раньше на спиритические сеансы. Почем мне знать, может, это все шарлатанство и сто первый способ отнять копейку у простого народа. Хочу сам проверить, может, и не зря сюда запись на три года вперед. Отвлекаться мне тоже хочется.
- Вот и сидите спокойно, недоверчивый вы наш, — подхватила тему женщина в длинном жаккар-

- довом френче и шляпке, тоже, видать, из бывших. – Клавдия Ильинична настоящий физик, выпускница Бестужевских курсов! Знаете, кто был ее учителем?
- Кто?
 - Попов! Александр Степанович!
 - Изобретатель беспроволочного телеграфа?
 - Вот именно! Они вместе ходили с учителем на кладбище и общались с духами при помощи электричества. Потом эта техника пригодилась и для морского дела.
 - И как же они при помощи телеграфа с духами общались? – удивился молчавший до этого худой мужчина в галстуке и длинном плаще, который почему-то не был оставлен на вешалке. – Какой-то странный маршрут для прогулок со студентками.
 - А куда, по-вашему, должен был профессор вести студентку, на танцы, что ли? Раньше нравы были не то что сейчас – стакан воды называется... Распутники. Вот и водил ее на научные занятия, в лабораторию свою, на кладбище. Они там железные штыри в могилы втыкали и подавали на них электрический ток с помощью динамо. Да не просто так, а морзянкой. А в сторожке у кладбища за столом сидел друг Попова, Рыбкин, и фиксировал ответные сигналы грозоотметчиком, это прибор такой, его тоже Попов изобрел.
 - Значит, оставляли Рыбкина в сторожке, а сами к могилкам? Ай, молодцы!
 - Тьфу на вас, извращенец.
 - Молодой человек, не хочешь – не слушай, а нам не мешай, – сделала замечание пожилая дама. – И что же он там нафиксировал?
 - Ну, в основном то же, что и передавал Попов. Собственно, в этом и был эффект беспроволочного телеграфа, принесшего ему славу и деньги на покупку имения в Тверской губернии. Там, кстати, Александр Степанович с Клавдией Ильиничной свои опыты продолжили и очень усовершенствовали технику. И кое-что еще узнали, кроме морзянки.
 - Да как же они продолжали, когда с Поповым на даче семья жила?
 - Ну что вы такой упертый, ей-богу! Исключительно научный интерес, я вас уверяю. Правда, в усовершенствованиях они переусердствовали, кажется, и у Попова случился инсульт. Совсем молодым умер, в полном расцвете сил... Но Клавдия Ильинична дело жизни изобретателя не оставила и применила его на пользу всем жаждущим общения с потусторонними силами, то есть нам.

За столом помолчали.

- А вот и Клавдия Ильинична, здравствуй, голубушка, – с искренним радушием поднялась навстречу хозяйке дома недавняя рассказчица. – А мы тут о твоих опытах вспоминали. Куда сегодня отправимся? Есть уже наметки?
 - Здравствуй, Аглая. А куда хотите? – обратилась к гостям женщина-медиум, продолжая приготовления к трансу.
- Она поставила на спиртовку серебряную опиумницу с порошком самого тонкого помола, разожгла огонь и проверила влажность песка под столом. Потом разулась и заняла свое место на высоком кожаном стуле с медными подлокотниками.
- Хорошо бы в Китай... – мечтательно прошептала путешественница со стажем. – Я обожаю эту страну! Длиннющие каналы с лотосами, работающие люди, Фарфоровая башня...
 - Фарфоровую башню, к вашему сведению, разломали какие-то повстанцы еще 70 лет назад.
 - Очень жаль... Я читала про нее в какой-то старой книжке. Из нее можно было видеть весь Нанкин с окрестностями. А звон колокольчиков, развешанных вокруг каждого этажа, лился над городом, как песня усталого ветра. Но в Китае и без башни хватает чудес! Одна китайская стена чего стоит. Мой муж видел эту стену, когда строил Маньчжурскую дорогу. Где он сейчас, мой Савва...
 - Да, в Китай было бы неплохо слетать. И в Америку тоже... А я раньше в Баден любил ездить, видел там Чехова, кстати, – поделился плешивый. – Да где сейчас курорты. Разве что в лагерь принудительных работ назначение выпишут... Замолкаю, замолкаю, – добавил он, почувствовав осуждающие взгляды путешественников.
 - Ну, в Китай, так в Китай. Сама давно мечтала. Главное, чтобы электричество не выключили, – сказала Клавдия Ильинична и оценивающе посмотрела на подвешенную над столом лампу. – В последнее время на электростанции Брестского вокзала постоянные перебои. А путь не близкий. Горьковатые пары опиумного порошка уже начали свое незаметное действие, наполняя собравшихся чувством единства и эйфории. Гости возложили руки на стол и стали ждать контакта медиума с духом.

Клавдия Ильинична глубоко задыхалась, закрыла глаза и подняла руки кверху. Тусклая электрическая лампочка над столом начала тревожно мигать, щелкать и наконец почти погасла. В то же время державшиеся за руки путешественники почувствовали легкое электрическое покалывание в районе

лодыжек, толчки и глухой стук стола. Запах опиума уже не казался таким горьким, всем стало не до него на фоне отчаянных гримас медиума.

Наконец Клавдия Ильинична устало откинулась в кресло и грубым мужским голосом произнесла:

- Он здесь.
- Кто?
- Дух. Из Китая, кажется. Вы можете задать ему вопросы.
- Как звать тебя, дух, – собравшись с мыслями, спросил мужчина в пенсне.

В ответ стол задрожал, электрическое пощипывание ног усилилось, и все явственно услышали стук: звонкий, глухой, глухой, звонкий, потом пауза. Опять два звонких и глухой, пауза, два звонких.

- Пу И, – перевел не снявший плащ мужчина.
- Это китайский император? Но он ведь, кажется, жив! – удивился плешивый. – Или умер уже? Вы ничего не напутали?
- Я был офицером Императорского флота, – гордо ответил плащ, – и морзянку знаю лучше, чем вы родинки у себя на теле!
- Ну, к родинкам я не приглядывался, так что вам не трудно поверить. Но, может, букву какую пропустили...
- Или две... – продолжила мысль пожилая, – ведь стук-то нечеткий. Бог его знает, как там звук от духа на стол идет.
- Нет, точно Пу И, – обиделся офицер, – но, может, не император! В Китае народу – прорва, может, у них людей с именем Пу И – сколько у нас Романовых! Не каждый Романов царь.
- А давайте проверим, – предложила Аглая, – пусть покажет нам Фарфоровую башню!
- Которую снесли?
- Ну да, если это другой Пу И, давно умерший, для него показать башню будет левое дело.
- А если ныне здравствующий?
- Не сможет показать. Или что-то другое сделает, проявит как-то себя. Ну я не знаю.
- Хорошо, – согласился плешивый, поворачиваясь к медиуму, – Пу И, покажи нам Фарфоровую пагоду в Нанкине!

Люди сидели, прислушиваясь к электроразрядам и шорохам, и гадали, как дух справится с заданием.

Рука лежавшей на кресле Клавдии Ильиничны затряслась и потянулась к столу, совершая характерные рыскающие движения.

- Он ищет карандаш и бумагу, – догадалась Аглая, – это же излюбленная техника духов! Все лягутся в руку медиума и рисуют! Сейчас мы все увидим.

Аглая подвинула к руке Клавдии Ильиничны блокнот и карандаш, лежавшие у спиртовки, и подвинулась ближе к медиуму, чтобы лучше видеть рисунок. Дрожащая рука схватила карандаш и, не обращая внимания на лежавшую в трансе хозяйку, принялась быстро-быстро чертить на бумаге. Внимание изумленных граждан предстал образ башни с гладкими стенами и большими окнами. Никаких загнутых по китайской традиции сверху карнизов между этажами не наблюдалось, а вместо колокольчиков вдоль стен были развешаны какие-то панели, наподобие стеклянных парусов. К башне вела грубая лестница из входящего в моду бетона, а вместо изящного шпиля из сложенных друг на друга камней наверху виднелся какой-то столб с набалдашником.

- Ну вот, очевидно же, что дух никогда не видел Фарфоровой башни, – разочарованно сказала потерявшая мужа путешественница. – Она вся была украшена резьбой и арками, окна и двери на каждом этаже обрамлялись белым фарфоровым кирпичом, а широкая лестница к главному входу была низкой и сплошь выложена камнем!
- Так какую же башню нам показывает этот самозванец? – грозно спросил мужчина в пенсне.

Медиум обиженно повернулась на кресле, обратив к собравшимся голые плечи и собранные в пучок волосы.

- Ну зачем вы его обижаете, – постаралась разрядить ситуацию Аглая, – может, он показал нам какую-то другую фарфоровую башню. Может, китайцы ее снова выстроили, только по-другому, современными дешевыми материалами. Так-то похожа, высокая.

Медиум начала потихоньку разворачиваться к столу.

- Не слышал я о таком строительстве, – неуверенно сказал плешивый. – Впрочем, новости до нас из Китая доходят плохо. И у них бардак, и у нас...
- Товарищ, не отвлекайтесь, – перебила его Аглая. – А давайте попросим его показать себя? Фото императора ведь помните. В круглых очках.

Рука Клавдии Ильиничны вновь потянулась к листу, на этот раз не так быстро и уверенно, и стала рисовать какой-то портрет в знакомой собравшимся технике художников РОСТА. На рисунке проявилась мужская фигура с грозным лицом, тянущая указательный палец прямо в зрителя. На заднем плане виднелось странное монументальное здание, напоминавшее одновременно и античный храм, и кремлевскую башню, а под плакатом – то, что это плакат, можно было не сомневаться, – читалась

подпись: «Строители, счет идет на минуты!» Рядом с фигурой мужчины рука медиума зачем-то пририсовала группу людей в медицинских масках и ковш, вероятно, трактора, с лозунгом «Закопаем вирус вместе с короной».

– Интересно, это опиум так действует или наш дух умом тронутый? – спросил офицер флота. – Он наконец снял свой плащ и почти лег на стол, чтобы рассмотреть лицо Пу И. – Он вроде китаец, а пишет по-русски, да еще в новой орфографии. Никаких «ер» и «ять».

– Действительно, – согласился человек в пенсне, – но он может быть и русским. Или самоедом. Сейчас в Москве кого только не встретишь. Идет, скажем, дворник, глаза узкие, лицо круглое, едва успеешь подумать, что китаец, а он на тебя матом! Да без акцента! Знамо, русак, пьет только до одури. Может, наш дух тоже, того, алкоголик.

– А почему он строителями командует? Может, все же император? – с надеждой спросила Аглая.

– А это мы сейчас узнаем! – злорадно протянул плешивый. – Пу И, где ты живешь?

Стол опять затрясло, послышались неуверенные удары, причем капитан так и не смог их перевести в буквы, потом стало тихо, и только огонь спиртовки стал вдруг ярче и ровнее. В синем свете пламени стал проявляться маленький круглый стол с сидевшим за ним полурусским-полукитайцем, который тонкой серебряной трубкой втягивал в нос насыпанный на блюде порошок.

– Что это? – испуганно шепнула Аглая, вцепившись в локоть оставшегося без плаща офицера.

– Не знаю. Наверное, наш дух. Давайте попросим его осмотреться.

Дух начал крутить головой направо и налево, даже посмотрел в окно. Путешественники увидели непривычную золоченую мебель, странную картину на стене, в которой двигались людские фигуры и передвигались футуристические машины, как на экране синематографа, и уходящую к Кремлю широкую улицу.

– Вроде Тверская, но сразу не узнать, – произнес человек в пенсне. – Широкая и гладкая дорога, совсем новые дома, фонари. Ни конки, ни экипажей, одни гладкие, как яйца, машины... Может, это Москва в будущем?

– Час от часу не легче! – взмолился плешивый. – Ну как дух может быть в будущем? Он ведь потому и дух, что тело у него умерло!

– А это что? – кивнула в сторону Пу И Аглая.

– Шарлатанство сплошное, что-то вроде стереоскопа, – уверенно произнес плешивый и ткнул пальцем в Пу И.

Синий огонь спиртовки опалил палец так, что собравшиеся почувствовали запах мяса; плешивый с визгом отдернул руку и попал офицеру в лоб; тот ловко вытащил локоть из хватки Аглаи и со всей мочи заехал обидчику в ухо. Плешивый свалился под стол, попал обожженными пальцами в мокрый песок и тут же получил разряд током.

Некоторым путешественникам это показалось очень забавным, они хохотали и дергали друг друга за пальцы, скатывались под стол в поисках электрических приключений и хватали соседей за мокрые лодыжки; дамы визжали и пытались лягаться; стол ходил ходуном.

Когда все немного успокоились и вытащили из-под стола заплаканного плешивого, спиртовка почти догорела, а медиум сладко спала в своем кресле.

– И что это было? – опять затынула свою песню Аглая. – Может, это опиум виноват? Клавдия ведь говорила, что он у нее особенный, прямо из Индии. Кто его знает, что в него по пути просыпалось...

Спиртовка загорелась ярче, над столом опять появился мужчина с трубкой, наклонился к своему блюду и снова исчез. Медиум только всхрипнула.

– Не похоже, – сказал в пенсне и проверил страницы блокнота. Рисунки были на месте. – У меня есть только одно объяснение.

– Какое?

– Это не он дух, а мы.

Над столом повисло молчание.

– То есть Пу И в будущем вызывает за столом духов и вызвал нас? Всех сразу?

– Да, как-то так.

– Значит, мы умерли? – тихо спросила Аглая и всхлипнула.

– Не плачь, – постарался успокоить ее офицер, – все умрут. Но в нашем случае это не обязательно результат трагедии. Пу И живет в далеком будущем, когда мы состарились и умерли, так что жалеть себя пока рано.

– Так давайте спросим, как при нем изменилась Москва, – предложила путешественница со стажем.

– Хорошая идея! – поддержал ее плешивый. – А как мы это сделаем, раз наш медиум в отключке?

– Знамо как, стуком! – догадался мужчина в пенсне. – Раз духи мы, Пу И наш стук должен услышать.

– Точно! – обрадовался морской офицер и приготовился стучать. – Что спросим?

– Пусть снова покажет себя сначала.

– «Явись!» – отстучал офицер. Звонко-глухо, звонко-глухо, звонко-глухо-глухо, – стучали костяшки. Ноль эффекта. Звонко-глухо, звонко-глухо...

Наконец в свете горелки снова возник Пу И. Он сидел за столом и грустно смотрел свой домашний синематограф, в котором он же, в медицинской маске, стоял среди людей в белых халатах и в таких же масках и что-то объяснял, махая руками, а на полотне мигало слово «самоизоляция».

– Спроси его, – попросила Аглая, – продолжается ли у них испанка?

«У вас эпидемия?» – отстучал офицер.

Лампа над столом заискрилась, потом погасла, и ножки стола снова начали подпрыгивать. Офицеру это напомнило землетрясение, которое он как-то пережил в Константинополе. Глухо-звонко-звонко, звонко-глухо.

– Да.

– Что за медицина у нас такая, никак с вирусом справиться не могут! – нахмурилась любительница Китая. – Муж говорил, в Маньчжурии вирусы иглами лечат, и помогает!

– Ну, то Китай, древняя цивилизация. А я не люблю уколов. Лучше спиртом лечиться, – сказал в пенсне.

– И всю жизнь ходить в маске... Хорошо, хоть марля у них появилась. Интересно, масок-то на всех хватает? – спросила Аглая.

Офицер быстро отстучал вопрос.

Глухо-звонко, звонко, глухо. «Нет», – донеслось в ответ.

– Странно, – проворчал пострадавший плешивый, – дорогу на Тверской смогли сделать, а марли все так же не хватает.

– У вас что, все еще правят чекисты? – внезапно прокричал он духу.

Путешественники вновь отпрянули от контрреволюционера.

– Он сумасшедший, – слышались голоса. – Нет, ошпаренный! Да отстаньте вы от него!

Стол между тем вздрогнул и опять начал стучать глухо-звонко-звонко, звонко-глухо. Собравшиеся помолчали.

В это время очнулась медиум, посмотрела на шкатулку, в которую давеча сложила собранные с участников деньги, и четко простучала своим пухлым кулачком:

– Ну хоть рубль-то твердый?

Глухо-звонко, звонко, глухо.

– Да что же это такое, не меняется ничего! – вздохнул плешивый. – Та же испанка, те же чекисты, тот же военный коммунизм.

– Зато электричества у них, наверное, много, – решил поддержать попутчика офицер.

Пу И в свете горелки произнес «да», что легко читалось по губам, уронил голову на руки и заплакал. Спиртовка погасла.

Ошарашенные путешественники несмело начали вылезть из-за стола, благодарить Клавдию Ильичну и расходиться в темную, промозглую Москву.

– Почему же он все-таки заплакал, когда сказал про электричество? – неожиданно спросила Аглая.

– Поживем – увидим, – хмуро предположил морской офицер.

ЗОИЛ

НОВИНКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ: РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ТАТЬЯНА СОЛОВЬЕВА
Литературный критик. Родилась в Москве, окончила Московский педагогический государственный университет. Автор ряда публикаций в толстых литературных журналах о современной российской и зарубежной прозе. Руководила

PR-отделом издательства «Вагриус», работала бренд-менеджером «Редакции Елены Шубиной» и начальником отдела общественных связей «Российской газеты». Старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета.

СЕРГЕЙ ЛЕБЕДЕНКО, «(НЕ)СВОБОДА» («РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ», 2022)

«Процесс» на новый лад. Даже еще более, как бы поточнее выразиться, «процессуальный». Мысль Франца Кафки о том, что человеческая жизнь — судебный процесс в ожидании приговора, возведена Сергеем Лебедевым в абсолют. Почти все действие романа завязано на судебном делопроизводстве: страшные приговоры оглашаются в нем сухим юридическим, канцелярским языком — и это поначалу снижает трагический пафос, но потом накрывает обратным течением, и от этого диссонанса становится вдвое страшней. Все герои «(не)свободы», как понятно из названия, несвободны, но несвободны они, как несчастливы несчастные семьи, по-своему. Кто-то физически — получив обвинительный приговор, а кто-то, формально оставаясь на воле, остается заложником, если не сказать рабом, этой системы в идеологическом или карьерном отношении.

В романе Лебедев множество рассказчиков, и это создает эффект полифонии, перед нами срез общества, в котором мы живем. «Театральное дело», положенное в основу романа, здесь, вопреки первому впечатлению, лишь отправная точка, микромир, позволяющий экстраполировать ситуацию на общество в целом — иногда, правда, слегка тенденциозно. Впрочем, и время такое.

АЛЕНСЕЙ САЛЬНИКОВ, «ОККУЛЬТТРЕГЕР» («РЕДАКЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ», 2022)

Что Сальников умеет удивлять, мы поняли еще по «Петровым в гриппе и вокруг него». После столь оглушительной премьеры второй роман разглядывали даже не под лупой — под микроскопом: удержит ли планку. Удержал и на втором, и на третьем. И вот — четвертый, написанный

в жанре городского фэнтези. Роман о небольшом уральском городке, населенном не только людьми, но еще и херувимами, чертями... и онкульттрегерами, которые всех их между собой связывают и хранят тепло в остывающих и замерзающих городах. Херувимы у Сальнинова, как им и положено, хорошие, но скучноватые и блеклые, черти — озорные и часто весьма обаятельные — как иначе людей-то заманивать? В центре же повествования как раз онкульттрегер Прасковья, меняющая внешность трижды в год и дорожающая только своим «ребенком» — гомуннулом. Его нужно спасти во что бы то ни стало, но будет очень трудно: когда замерзают целые города, что за дело до спасения частной жизни?

АЛЕНСЕЙ СЛАПОВСКИЙ, «СТРАЖ ПОРЯДНА» («РЕДАНЦИЯ ЕЛЕНА ШУБИНОЙ», 2022)

Алексей Слаповский написал страшный роман о разрушении личности — постепенном и поначалу почти незаметном, но необратимом. Во многих детektивах интрига строится на том, что форма охранника, нурьера или другого специалиста сферы услуг делает человека незаметным. Надев форму, он словно перестает быть личностью и становится функцией. Слаповский переносит этот прием в пространство психологической прозы и заводит читателя в сознание своего героя — охранника торгового центра. Поначалу его фанатичная преданность порядку и соблюдению правил выглядит просто некоторой странностью, но дальше, эпизод за эпизодом, автор не оставляет сомнений и подводит героя к неизбежному финалу. «Страж порядка» — художественная иллюстрация к выражению про тихий омут и чертей — и одновременно вполне прямое напоминание о первой христианской заповеди.

НОВИНКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ: ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДЖОНАТАН ФРАНЗЕН, «ПЕРЕКРЕСТКИ»
(«АСТ: CORPUS», 2022)

Новый роман Джонатана Франзена — всегда долгожданное событие. На этот раз писатель снова не разочаровал своих многочисленных читателей и почитателей, выдав абсолютного Франзена, со всем набором характерных признаков и особенностей большого американского романа о гибели одного семейства.

Семья пастора реформатской церкви Расса Хильдебранта рушится: сам он влюблен в прихожанку Фрэнсис, а его жена Мэрион вспоминает о своей первой любви, которая больше напоминала помешательство. Трое из четверых их детей уже достаточно выросли, чтобы или пуститься во все тяжкие, или по крайней мере начать пробовать на вкус взрослую жизнь. Вечные проблемы, вынесенные автором за пределы современной повестки — действие разворачивается в 1970-е годы.

Церковная община, которая, казалось бы, должна объединять и наставлять на путь истинный, на деле провоцирует людей на мысли и поступки не самые праведные. Пересекающиеся судьбы, перекрестные мысли и взгляды — роман о годах расцвета и полноты жизненных сил поколения, ныне почти ушедшего, и их детях, которые уже тоже начинают «уходить». Франзен рассказывает одну из лучших своих историй и крутит нольцо Соломона: и это пройдет.

МИЛЕНА МИТИКО ФЛАШАР, «Я НАЗВАЛ ЕГО ГАЛСТУНОМ»
(«POLYANDRIA NO AGE», 2022)

Хикиномори — затворник, человек, отвергающий социальную жизнь и выбирающий изоляцию. Герой этой повести Тагути Хиро — хикиномори. Из комнаты он начинает выходить только ради прогулок в парке, где

поначалу ни с кем не общается, а потом встречается Охару Тэцу, который потерял работу, но, чтобы не сообщать об этом жене, уходит каждое утро из дома и возвращается вечером.

Нига повествует о событиях, которые уже прошли, — герои расстались навсегда, и Тагути вспоминает своего собеседника. Впрочем, путь до собеседника был весьма небыстр: взгляды, кивки, молчаливые приветствия.

Тагути Хиро — человек, проигравший себя в битве полового воспитания, который не может смириться с переменами в своем теле. Эти изменения и сильное эмоциональное потрясение сделали его затворником. Фраза «Я больше так не могу!» стала его девизом. Охару Тэцу выбрал ложь во спасение: он так боится огорчить свою идеальную жену, что выбирает путь обмана. И становится одиноком в своем обмане именно из-за панического страха одиночества. Черную полосу в его жизни, череду неудач, повлекла одна-единственная ошибка.

Два героя встречаются в парне, чтобы обрести необходимого каждому из них собеседника. Чтобы рассказать ему свою историю и посмотреть на нее со стороны. Оба они под влиянием внешних обстоятельств, по сути, отрекаются от себя, своей сущности, как Нобаяси Танэси, о котором рассказывает Тагути. Подвергнувшись буллингу в школе, он сознательно делает ошибки в родном для себя английском языке, вытесняет его.

Рассказывая друг другу истории, герои проговаривают то, о чем никогда ни с кем не говорили. И это помогает выпустить наружу то, что годами сидело внутри. Благодаря Тагути Охару все-таки решается признаться...

ЯННЕ ТЕЛЛЕР, «НИЧТО» («POLYANDRIA NO AGE», 2022)

«Пьер Антон ушел из школы в тот день, когда понял, что ничего делать не стоит, так как ничто не имеет смысла».

«Ничто» — роман о порой очень жестоких попытках подростков испытать мир на прочность. Пьер Антон, осознав, насколько ничтожна человеческая жизнь с точки зрения вечности, рождает в друзьях желание чего-то добиться, доказать ему, что он не прав, оставить после себя след. Чтобы их жизнь перестала быть НИЧЕМ, они решают собрать Гору Смысла из вещей, важных для них. Каждый предмет в этой горе несет смысловую и эмоциональную нагрузку, он одновременно и денотат (сам предмет), и сигнификат (понятие о предмете), и коннотат (личное впечатление, смысл). То, что начинается почти как игра, постепенно переходит в настоящий — и довольно жуткий — триллер. Теллер создает подчеркнуто-условный мир, в котором у каждого героя четкая социальная роль, они скорее носители функции, чем прописанных характеров.

Показывая марионеточных героев, автор рисует рождение толпы — обезличенной, яростной и жестокой, которая не остановится, пока не увидит жертв.

ДЕЛЬФИНА ДЕ ВИГАН, «ДЕТИ ВСЕГДА ПРАВЫ» («POLYANDRIA NO AGE», 2022)

Брат с сестрой Сэмми и Нимми — герои видеоблога, который ведет их мать Мелани. Миллионы подписчиков следят буквально за каждым их шагом, Мелани делает десятки сторис в день и снимает сюжеты с детьми, монетизируя собственные соцсети и получая огромный доход

от рекламы. На взгляд человека по ту сторону экрана смартфона их жизнь похожа на сказку. Впрочем, ровно до тех пор, пока шестилетняя Нимми не исчезнет.

Это книга об искусственной реальности — реалити-шоу и видео-блогах, которые подменяют собой настоящую жизнь. Прием вовлечения аудитории используется даже в самых бытовых вещах: выход героев реалити-шоу из съемочного павильона, покупка кроссовок для ребенка. Вся жизнь превращается в шоу: «вездесущность экранов; возможность стать не наблюдателем, а объектом наблюдения; желание быть на виду, получить признание, любовь; мысль, что это достижимо всем и каждому. Больше не надо творить, созидать, изобретать, чтобы урвать свои пятнадцать минут славы, — надо всего лишь выставить себя напоказ и оставаться в кадре, перед объективом». Чтобы найти девочку в реальном мире, детективу нужно тщательно изучить законы мира виртуального. И они, вопреки кажущейся легкости и открытости, оказываются весьма жестокими, способными сломать не одну жизнь...

АЛЬБЕРТ САНЧЕС ПИНЬОЛЬ, «ФУНГУС»
(«АСТ: CORPUS», 2022)

В конце XIX века бездомный пропойца и анархист Хик-Хик живет в пещере в каталонских Пиренеях среди преступных тайных путей контрабандистов. В целом так себе местечко, но зато вокруг живут гигантские антропоморфные грибы — фунгусы. Из них Хик-Хик собирает непобедимую армию — как орудие мести всем недоброжелателям и старым обидчикам, а заодно — как способ установления анархистских принципов в местном сообществе. То есть почти Кропоткин, но для грибов. Грибы, способные в рукопашной схватке один на один победить даже медведя, оказываются универсальными солдатами: «Ему, Хик-Хику, простому городскому дебоширу, досталась безраздельная власть над существом, обладавшим чудовищной силой, и оно слепо ему подчинялось. И тут Хик-Хик наконец понял: именно этого и искал с таким усердием Насиан. Управление покорными и разрушительными силами и есть Власть. Власть!»

Фантазмагория с двойным дном и множеством смыслов, держащая читателя в напряжении до кульминационной сцены сражения фунгусов с французской армией. И даже немного после...

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ НОН-ФИКШЕН

АЛЕНСЕЙ ИВАНОВ, «ХРЕБЕТ РОССИИ» («АЛЬПИНА НОН-ФИКШН», 2022)

Книга, которая много лет назад выходила в виде огромного тейблбука и с тех пор не издавалась. Теперь, наконец, вышла версия для чтения — удобного формата, с качественными, но небольшими черно-белыми иллюстрациями. «Хребет России» — это сто очерков об Урале, которые сближают абсолютно реальный хронотоп (географию и историческое время) с литературным гипертенстом. Иванов выражает Урал через четыре категории: Герои, Заводы, Мастера и Матрица. Их взаимодействие формирует уникальную уральскую идентичность: «Чем больше природное своеобразие того-либо региона, тем своеобразнее история и мировоззрение жителей этого края». Иванов в ста новеллах очерчивает историю промышленного освоения Урала и показывает, насколько архетип Мастера важен для этого региона. Эта книга — ключ к уральской матрице, которая, с одной стороны, типично российская, а с другой — принципиально самобытная. Она фиксирует принципы устройства локальной системы мирового порядка, стратегий поведения, культурно-исторических связей и смыслов Урала. В ближайшее время эта книга приобретет вполне прикладное значение — по ней будет представлен подробный путеводитель по региону.

ВЛАДИМИР БАБНОВ, «ИГРА СЛОВ. ПРАКТИКА И ИДЕОЛОГИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА» («АСТ: CORPUS», 2022)

Известный переводчик Владимир Бабнов раскрывает секреты художественного перевода, о которые год за годом ломается немало копий. В недавно вышедшей «Ночной смене» Алексей Поляринов говорил

о прокравшемся в перевод романа Стивена Кинга «чучеле мыши» (оказавшемся на самом деле чучелом лося), вспоминается и «Пацифистский океан» у ни в чем не повинного Джареда Даймонда, а у других американских писателей — «виски на скалах» (“on the rocks”) и «часы ненависти» (“hate watch”). За плечами преподавателя Литинститута Бабнова — десятки ХОРОШИХ переводов Анройда, Хансли, Барнса, Маньюэна, Мейлера, Дойла и многих других писателей. В предисловии автор пишет, что «Игра слов» — «не учебник и уж тем более не научная монография. Это попытка описать процесс художественного перевода изнутри, рассказать о том, с какими трудностями встречаются переводчики и как они их преодолевают».

Эта книга — подчеркнуто личный опыт, и тем она и интересна. Человек с огромным профессиональным багажом пускает читателя в свой рабочий кабинет и позволяет тихонечко наблюдать за процессом — и это оказывается очень увлекательно. Этой книгой автор отвечает на вопрос, как переводчику не испортить доставшийся ему материал, если давно известно, что буквальный перевод в художественной литературе невозможен: приходится каждый раз проявлять изобретательность. Именно поэтому хорошему переводчику мало знать иностранный язык — нужно еще быть виртуозом родного.

ПИТЕР ПРИНГЛ, «НИКОЛАЙ ВАВИЛОВ. УЧЕНЫЙ, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ НАНОРМИТЬ ВЕСЬ МИР И УМЕР ОТ ГОЛОДА» («АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР», 2022)

История жизни выдающегося ботаника и генетика, который работал над выведением максимально неприхотливых сортов растений, пригодных для культивирования в непригодных для растениеводства регионах на бесплодных землях. Вавилов полагал, что ранние земледельцы были вынуждены селиться на больших высотах из-за высокой конкуренции в низинах. И если бы он оказался прав, в высокогорных районах должны были сохраниться до наших дней генетические сокровища, которые открыли бы новую страницу в растениеводстве. Задача ученому была поставлена на самом вершине — и на ее реализацию были отпущены всего три года. Конечно, уложиться в этот срок с серьезными результатами было невозможно, но наказание оказалось неотвратимым: Вавилов был заключен в саратовскую тюрьму, в которой, по горькой и страшной иронии, умер от голода. Страшная смерть ученого, который пытался, но не смог нанормить весь мир.

МАЙКЛ ГАЗЗАНИГА, «СОЗНАНИЕ КАК ИНСТИНКТ. ЗАГАДКИ МОЗГА: ОТКУДА БЕРЕТСЯ ПСИХИКА» («АСТ: CORPUS», 2022)

Известный нейробиолог Майкл Газзанига написал книгу о том, как работает человеческое сознание. В «нормальном» состоянии человек осознает свое прошлое, настоящее и будущее — и на этом основаны наши планы, поведение и целеполагание. Однако в мире существует множество отклонений от нормы, и каждое из этих отклонений сообщает исследователям гораздо больше, чем показал бы анализ нормы. Но перед нами не книга об отклонениях, а попытка ученого разобраться самому и объяснить читателю, как материя создает психику. Приводя аргументы из областей нейробиологии, эволюционной биологии, психологии и физики, ученый

доказывает, что психика — это инстинкт, но инстинкт необычный, присущий только (или почти только) человеку. В итоге рождается целостная картина сознательного опыта. По природе своей мы мыслим хаотично, последовательное мышление — тяжелый высокоинтеллектуальный труд. Газзанига наглядно показывает, как один за другим высвобождаются пузырьки мыслей из нашего кипящего сознания.

НАРЛ ЦИММЕР, «ЖИВОЕ И НЕЖИВОЕ:
В ПОИСКАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЖИЗНИ»
(«АЛЬПИНА НОН-ФИКШН», 2022)

Ответ на вопрос, как отличить живое от неживого, кажется лежащим на поверхности. Однако только на первый взгляд. Уже много столетий даже ведущие ученые не могут провести четкую границу между живым и неживым. Какова природа вирусов, которые совмещают в себе и те и другие признаки? Живое ли яблоко, лежащее в корзине с фруктами? Или, в отличие от яблоки, уже нет? Жив ли эритроцит или другие кровяные тельца?

Особенно трудно приходится ученым, когда, помимо логики, в игру вступает этика: живы или нет половые клетки? С какого момента можно считать живым эмбрион? И как быть с пациентами, находящимися на системах жизнеобеспечения с констатированной смертью мозга. «Живое и неживое» — как всегда блестящая научная, журналистская и философская работа Карла Циммера.

ЭРИК ЛАРСОН, «В САДУ ЧУДОВИЩ»
(«АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР», 2022)

Американский журналист Эрик Ларсон обращается к одному из самых драматичных эпизодов истории Германии — 30-м годам прошлого столетия — от назначения Адольфа Гитлера на пост канцлера до превращения страны в «сад чудовищ». Американский дипломат с семьей оказывается в это время в Берлине на должности посла. Перед его глазами начинают сгущаться тучи. От светских балов, которые посещает его дочь, государство переходит к активной милитаризации и террору. Книга Ларсона основана на официальных документах, дневниках и письмах. На глазах читателя герой Уильям Додд проходит путь от отрицания проблемы и неприятия реальности до осознания масштабов катастрофы и безуспешных попыток предупредить США и весь мир о грозящей опасности.

«В исторических документах всегда можно увидеть поразительные нюансы, тонкости, полутона. В этом и сложность работы над документальной прозой — приходится откладывать в сторону факты, которые известны *сейчас*, и пытаться следовать за двумя обычными людьми по окружавшему их миру, показывая, как они воспринимали его *тогда*» (Эрик Ларсон).